

Хуа Мэнжоу*, У Сяоя*

Пекинский университет авиации и космонавтики,
Институт иностранных языков, Китай, г. Пекин
*e-mail: 15524465907@163.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ КРИТИКИ И РОССИЙСКОЙ СУБЪЕКТИВНОЙ КРИТИКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Духовная критика в Древнем Китае зародилась в доциньскую эпоху и в период двух династий Хань. Она сформировалась и получила дальнейшее развитие во времена династий Северной и Южной Сун, Мин и Цин. Духовная критика характеризуется устранением внешних влияний при оценке литературных произведений. Ум должен быть ясен, как зеркало, – отсюда и происходит название. Этот метод критики не только существовал долгое время и имел большое влияние, но до сих пор занимает значимое место в китайской литературной критике. Субъективная критика русского Серебряного века была выдвинута Д. С. Мережковским и пользовалась широкой популярностью среди символистов. Она характеризовалась тем, что исходила из личной религиозно-философской мысли критика и интерпретировала писателей-классиков и классические произведения в мировой и русской литературе в противовес господствовавшей тогда социально-исторической критике. Хотя этот вид критики просуществовал недолго, он достиг колоссальных успехов, а его отзвуки слышны до сих пор. Хотя эти два вида критики зародились в разных культурах и народностях и одна из них охватила несколько тысяч лет, но они имеют много общего с точки зрения философских истоков, способов мышления, методов критики и эстетических целей. Оба вида критики были сфокусированы на измерении «души». Древнекитайская духовная критика была сосредоточена на духовном понимании, а русская субъективная критика Серебряного века придавала значение субъективному восприятию, поэтому сравнительное исследование двух видов литературной критики приоткрывает перед нами множество интересных явлений.

Ключевые слова: духовная критика, субъективная критика, оценочная критика, символизм.

Hua Mengzhou*, Wu Xiaoxia

Beijing Aviation and Space University, Institute of Foreign Languages, Beijing, China
*e-mail: 15524465907@163.com

Comparative analysis of ancient Chinese spiritual criticism and Russian subjective criticism of the Silver Age

Spiritual criticism in ancient China originated in the pre-Qin era and the period of the two Han dynasties. It was formed and further developed during the Northern and Southern Song, Ming, and Qing dynasties. Spiritual criticism is characterized by the elimination of external influences in the evaluation of literary works. The mind must be clear like a mirror, hence the name. This method of criticism not only existed for a long time and had great influence, but it still occupies a significant place in Chinese literary criticism. Subjective criticism of the Russian Silver Age was put forward by D. S. Merezhkovsky and enjoyed wide popularity among the Symbolists. It was characterized by the fact that it proceeded from the critic's personal religious and philosophical thought and interpreted the classic writers and classical works in world and Russian literature as opposed to the then-dominant socio-historical criticism. Although this type of criticism did not last long, it achieved tremendous success, and its echoes are still heard. Although these two types of criticism originated in different cultures and nationalities, one of them spanned several thousand years, they have much in common regarding philosophical origins, ways of thinking, methods of criticism, and aesthetic goals. Both types of criticism focused on the dimension of the "soul". Ancient Chinese spiritual criticism focused on spiritual understanding, and Russian subjective criticism of the Silver Age attached importance to subjective perception, so a comparative study of the two types of literary criticism will reveal many interesting phenomena.

Key words: spiritual criticism, subjective criticism, evaluative criticism, symbolism.

Хуа Мэнжоу*, У Сяоя

Бейжің авиация және ғарыш университеті, Шет тілдер институты, Қытай, Бейжің қ.

*e-mail: 15524465907@163.com

Ежелгі Қытай рухани сыны мен күміс дәуіріндегі ресейлік субъективті сынның салыстырмалы талдауы

Ежелгі Қытайдағы рухани сын Цинь дәуіріне дейінгі және екі Хань династиясы дәуірінде пайда болды. Ол Солтүстік және Оңтүстік Сун, Мин және Цин әулеттері кезінде қалыптасып, әрі қарай дамыды. Рухани сын әдеби шығармаларды бағалауда сыртқы әсерлерді жоюмен сипатталады. Ақыл айнадай мөлдір болуы керек. Бұл сын әдісі бұрыннан бар болып, үлкен ықпалға ие болып қана қойған жоқ, ол әлі күнге дейін Қытай әдебиеттануында елеулі орын алады. Ресейдің күміс дәуірінің субъективті сын-пікірін Д.С. Мережковский ұсынды және символистер арасында кең танымал болды. Ол сыншының жеке діни-философиялық ой-пікірлерінен шығып, әлемдік және орыс әдебиетіндегі классик жазушылар мен классикалық шығармаларды сол кездегі үстемдік еткен қоғамдық-тарихи сынға қарама-қарсы түсіндіріп беруімен ерекшеленді. Сынның бұл түрі ұзаққа бармаса да, орасан зор табысқа жетті, оның жаңғырығы әлі де естіледі. Сынның бұл екі түрі әртүрлі мәдениеттер мен ұлттарда пайда болып, бірі бірнеше мыңдаған жылдарды қамтығанымен, олардың философиялық бастаулары, ойлау тәсілдері, сынның әдістері, эстетикалық мақсаттары жағынан ортақ тұстары көп. Сынның екі түрі де «жан» өлшеміне бағытталған. Ежелгі Қытай рухани сыны рухани түсінуге бағытталды, ал күміс дәуіріндегі орыстың субъективті сынында субъективті қабылдауға мән берілді, сондықтан әдебиеттану ғылымының екі түрін салыстырмалы түрде зерттеу бізді көптеген қызықты құбылыстарға бастайды.

Түйін сөздер: рухани сын, субъективті сын, бағалаушы сын, символизм.

Введение

При изучении философской основы и эстетических принципов «субъективной критики» русского Серебряного века вспоминается метод литературной критики древнего Китая – «духовная критика». Хотя эти два вида критики зародились в разных культурах и народностях и одна из них охватила несколько тысяч лет, но они имеют поразительное сходство с точки зрения философских истоков, способов мышления, методов критики и эстетических целей. Благодаря сравнительному изучению русской субъективной критики и древнекитайской духовной критики мы можем глубже понять малоизвестную субъективную критику, оказавшую огромное влияние на русскую литературу и литературную критику, и взаимовлияние культур двух стран. Принципы и методы субъективной критики предоставляют нам новаторские перспективы и неиссякаемое вдохновение для дальнейшей литературной критики. Противостоя социальной и исторической критике, она также подтверждает важную роль субъективных эмоций в литературной критике. Однако из-за чрезмерного акцента критики на углублении и воссоздании литературы она полностью отделилась от самого текста и утратила степень контроля над ощущениями. В развитии и эволюции китайской и русской литературной критики происходил диалог и взаимодействие во времени и пространстве, кото-

рые предоставляют нам новые и убедительные основания для изучения взаимодействия во времени и пространстве между китайской и русской культурами.

Цель исследования. В этой статье будет проанализировано сходство между двумя школами в когнитивных методах, литературных исследованиях и эстетических целях путём изучения контекста развития и основных идеологических теорий двух школ критики, а также изучения различных национальных концепций и культурных факторов, стоящих за ними.

Материал и метод

«Духовная критика» древнего Китая относится к «критическому методу, демонстрирующему горизонтальный обмен и многомерную связь между душой и объектом» (Бай Инь 2002:12). «Духовная критика» зародилась в доциньскую эпоху (до 221 г. до н.э.), а затем получила дальнейшее развитие во времена династий Северной и Южной Сун, Мин и Цин. Термин «духовная критика» был предложен не литераторами того времени, а более поздними учеными, проанализировавшими её характеристики (Ли Цзяньчжун 2015:1-5; Чжу Дунжун 2009 1-4; Цай Чжэньчу 2005:1-4). Известный русский писатель и критик Мережковский Д.С. впервые предложил «субъективно-художественный метод критики» в своей статье «О причинах упадка современной

русской литературы и её новых школ» (Мережковский 1995:528) в 1893 году, а затем официально назвал этот метод «субъективной критикой» в своём сборнике эссе «Вечный попутчик». Эта критическая мысль широко использовалась с древних времен, например, в «Стихотворениях» Мэн-цзы (Ван Чанхуа 2001:45) периода Воюющих царств, в «Вэнь синь дяо лун» Лю Се (2015:68, 120) и Суши (2014:2124) эпохи династии Сун, в комментариях Цзинь Шэнтаня к «Речным заводям» (Цзун Бучжэн 2018) эпохи конца династии Мин и начала династии Цин и т. д. (Ху Яминь 2005:89-92). На «субъективную критику» русского Серебряного века повлияла философия Фридриха Ницше, которая пропагандировала христианство Ницше, то есть отрицала альтруизм и аскетизм христианского вероучения, отстаивала индивидуализм и стремилась к творческим элементам в культуре и искусстве. Мережковский определяет субъективную критику как «психологическую, неисчерпаемую, беспредельную по существу своему, как саму жизнь», которая представляет читателю «мировоззрение критика, то есть субъективную и внутреннюю, а не внешнюю связь» (Мережковский 1999:3). Позднее «субъективная критика» стала для Мережковского и других писателей-символистов методом и способом продвижения своих «новых религиозных идей», что нашло отражение не только в их художественном творчестве, но и было применено к критике русских и западных писателей и их произведений, например, таких, как «Вечный спутник» (1995:264) и «В тихом омуте» (1991:78) Д.С. Мережковского, «Живые лица» З. Н. Гиппиус (1921:535-541), «Откровение Достоевского – избранные произведения Розанова» В.В. Розанова (2013:113) и др.

Результаты исследования и обсуждение

Философская основа идеализма и поиск общности как способ мышления

Ни один жанр литературы и литературной критики не может выйти за пределы культурного фона своей эпохи. Философия, как основа и душа культуры, является неиссякаемым источником рождения литературной теории, и её влияние на литературную критику нельзя игнорировать. Философия равным образом обуславливает, а философское размышление является низшим логическим способом человеческого мышления. Материализм и идеализм – это два основных течения философии. Касательно первичности материи в материализме, то идеализм

считает дух (сознание) первичным. Эта точка зрения и является истиной, которой твёрдо придерживались древнекитайская духовная критика и русская субъективная критика, и на этой основе сформировался своеобразный способ мышления.

Во-первых, развитие и эволюция духовной критики и субъективной критики имеют свою богатую философскую основу. На древнекитайскую духовную критику большое влияние оказала даосская школа – идеология Лао-цзы и Чжуан-цзы, которая считала «дао» основой всего сущего и неизменно стремилась к «возвращению к своей первозданной природе». Духовная критика считает, что изменения в душе человека должны быть тесно связаны с изменениями во внешнем мире, а естественная реакция влияет не только на повседневную жизнь, но и на сознательный уровень литературной теории. Формирование субъективной критики зависит и от концепции религиозной философии Мережковского. Его субъективная критика на самом деле являлась пропагандой христианства Ницше, то есть отрицанием альтруизма и аскетизма в традиционном христианском вероучении, отстаиванием индивидуализма и стремлением к творческим элементам в культуре и искусстве. Субъективная критика превозносит природу, уважает первобытную силу природы и сводит красоту в искусстве к красоте вечного духа, а не к застывшей и шаблонной красоте позитивизма. Она стремится к «максимальной культурной толерантности» в рамках субъективного искусства и вместе с «вечным спутником» человечества отвечает на такие вопросы, как жизнь и смерть, любовь и природа.

Во-вторых, способы мышления духовной критики и субъективной критики тождественны. Оба вида критики воспринимают мир через познавательный метод общего происхождения всех вещей и неизменно ищут источник вселенной в природе. «Дао», которое присутствует в духовной критике, является невыразимым, и «вечный дух», к которому стремится субъективная критика, также принадлежит к нематериальному абстрактному существованию. Обе школы имеют сходные траектории развития в процессе прогресса и эволюции, они обе развивались в процессе познания противоположного рационализма. В период династий Северной и Южной Сун традиционная китайская философия претерпела двойной удар в виде тайного учения (Сюань-сюэ) и буддийской философии и обрела новое понимание отношений между небом и че-

ловеком, а также сформировала онтологическое исследование, придававшее особое значение субъективному опыту. В это время субъективный опыт из «свойства», символизирующего индивидуальный опыт и индивидуальные способности, превратился в «дао», которое делало упор на абстрактном универсальном опыте человечества. В это время понимание людьми субъективного опыта было более абстрактным и абсолютным. Неоконфуцианская школа Чэн-Чжу была одной из философских идеологий, которая оказала глубокое влияние на духовную критику того времени. Затем в период династий Мин и Цин учение о духовном самосовершенствовании Янмин и неоконфуцианство взбунтовались и выступили за возвращение чувственного мышления. Философская школа Янмин полагала, что источник всего сущего происходил от «души». Духовная критика этого времени обрела содержание, которое более соответствовало её названию. Таким образом, духовная критика завершила процесс противостояния абсолютному разуму, придавая значение возвращению чувственности. Субъективная критика также образовалась в процессе противостояния критики позитивизма и познания единого рационализма. Как сказал Бердяев: «Философское познание есть познание всей душой, в котором разум, воля и чувство соединяются воедино, не оставляя разделений, сделанных рационализмом» (Бердяев 1946:56). Субъективная критика считает личность целостным духовным воплощением рациональности и индивидуальности и отличается от ограниченности и жёсткости позитивистской критики, поэтому Мережковский говорил: «Субъективная критика содержит субъективизм и психологизм, это неисчерпаемая и нескончаемая критика» (Мережковский 1995:3). Ввиду того, что характер и опыт каждого человека отличаются, внимание к субъекту обязательно даст разнообразные и бесконечные результаты. Это источник бесконечной и постоянно меняющейся движущей силы субъективной критики. На основе противостояния рационализму Розанов предложил посвятить себя религиозной вере и литературной критике, то есть задействовать одновременно тело и душу. Хотя его теория логоса была основана на «половой» любви мужчин и женщин, она не делала акцент на примитивных физиологических действиях между мужчинами и женщинами, а противостояла угнетению и давлению православия на личность ради индивидуальной свободы и духовного спасения.

В-третьих, способы мышления духовной критики и субъективной критики имеют одинаковую форму выражения, образуя парадигму литературной критики, представленную мышлением «полной гармонии» и «соборности». Идеология «полной гармонии», которая происходит от культуры конфуцианства, основана на коллективизме. Она почитает групповые интересы, придаёт значение самосовершенствованию, отстаивает порядок и повиновение, поощряет интуитивное образное мышление и жизнь в гармонии с природой и человеком. Русская православная культура с «соборным» мышлением в качестве основного содержания берёт за основу общую веру в Бога, критикует рационализм и производную от него чисто материальную культуру и выступает за духовную целостность. Она считает, что внутренняя свобода людей выше внешней необходимости, а также выступает против индивидуализма и проповедует сплоченность людей. Идея «полной гармонии» была представлена в конфуцианской канонической книге «Ли цзи» более 2000 лет назад, а термин «соборность» впервые был предложен русским религиозным философом Хомяковым. Абстракция «собора» использовалась для выражения абстрактного религиозного значения. Идея «полной гармонии» была выдвинута намного раньше, чем идея «соборности». Идеал конфуцианской «полной гармонии» заключается в отсутствии частной собственности, каждый работает на общество, а не «на себя»; общество заботится о старых и слабых, воспитывает детей, и все, кто может работать, имеют возможность в полной мере раскрыть свои таланты. Нет никаких привилегий или наследственной системы, все чиновники избираются массами, общественный порядок стабилен, общество безопасное, спокойное и честное; с внешним миром поддерживаются хорошие отношения, а с соседними странами – дружеские связи, нет войн и международных заговоров. Хомяков считал, что все люди были объединены общей любовью к Богу, но каждый человек был свободен. На этом основании Франк распространял содержание соборности на уровень общественно-экономической формации и считал, что сплочённость и единство страны или общества основаны на определённой общности – общей исторической судьбе, одинаковом счастье, горе или разочаровании. Суть соборного мышления состоит в том, чтобы «стремиться к единству многих, оно ценит духовную свободу и свободу вероисповедания каждого верующего и предполагает, что право-

славная церковь является религиозной организацией, в которой многие верующие собираются вместе равноправно и свободно. Оно также допускает свободу индивидуальности на духовном уровне» (Ян Сюй 2017:51).

Эта точка зрения стала идеей, которой придерживается субъективная критика, то есть разнообразные идеологические чувства и ценностные представления в личности действительно ценны для человечества, и их следует называть ключевыми объектами для критики. Хотя понятия «полной гармонии» и «соборности» зародились в разных цивилизациях и в разные исторические периоды, но они оба основаны на коллективизме и демонстрируют одинаковую социальную пользу, будучи движущей силой и идеалом устойчивого развития коллектива и общества. Эти две идеологии также стали основным способом мышления древнекитайской духовной критики и русской субъективной критики при оценке литературных произведений – конвергентного мышления. Одна идеология ищет точки соприкосновения с любовью и уважением к коллективному обществу, а вторая – это «соборность», основанная на вере в Бога, основной смысл которой – это повиновение и подчинение отдельных людей централизованной группе, это централизованное проявление коллективизма в человеческой природе.

Нельзя отрицать, что субъективная критика является важной практикой западного субъективного идеализма. Очевидно, что для субъективной критики внутренняя реальность гораздо выше внешней. Будь то религиозный мистицизм в символизме или индивидуальный эстетизм, реальная жизнь, которую они хотят отобразить, является «реальностью» в их концептуальном мире, а роль литературы, по их мнению, далека от реальной жизни.

Литературный взгляд на использование образов и символических отображений

Литературные понятия и понятия литературной критики, как важное содержание литературной критики, оказывают глубокое влияние на практику литературной критики. И древнекитайская духовная критика, и русская субъективная критика опираются на эстетическое восприятие, они рассматривают литературные произведения как эстетически осознанные образы и, таким образом, сосредотачиваются на их эстетических характеристиках. Литературная критика рассматривается как воссоздание критика и сосредоточена на выражении субъективных впечатлений и сиюминутных чувств критика. С точки зрения

такой литературной концепции две литературные школы приняли схожие подходы к литературной критике – критике образов и критике символов.

Как в духовной критике, так и в субъективной критике были явления, в которых сложные образы были несоответствующими или даже противоположными. Некоторые учёные называют этот вид критики образов «аллегорией учения о созерцании» (аллегория означает интерпретацию сложного образа). Они считают, что на это заметно повлияли «два пути» в учении о созерцании. Так называемая «связь двух путей» – это, проще говоря, причинно-следственная связь двух вещей, то есть симбиоз и сосуществование, как очевидное единение и следование друг за другом света и тьмы. Древнекитайский поэт Су Ши прекрасно использовал образы бинарной противоположности. Комментируя литературные стили поэтов, он писал: «Вэй Инью и Лю Цзуньюань имеют утончённый и лаконичный стиль, восхитительный и неприятный» (Су Ши 2014:2124). И здесь «утончённый» и «лаконичный», «восхитительный» и «неприятный» – это противоположные концепции. Субъективная критика зародилась в России, а русский народ издавна находился под влиянием двойственных религий христианства и многобожия, и этот дуализм более очевиден в трудах критиков. Темы творчества Мережковского «пронизаны философским, религиозным и этическим мышлением и вообще исходят из категории метафизического «двойственного противостояния» (У Сяоя 2015:69), например: «Антагонизм полов – то есть полярное противостояние этих животных, которое выше ещё на одну ступень – в феномене сверхфизической «метафизической» морали, в противопоставлении добра и зла, любви ближнего своего и себялюбия в феномене всемирной истории – так называемая «политеистическая культура» и так называемая «христианская культура» как раз противоположны «буддийской культуре», с крайним утверждением самостоятельности личности и крайним отрицанием независимости самостоятельной личности. Это противостояние последнего «да» и последнего «нет» индивидуальности...» (Мережковский 1995:264).

Эти два вида критики немного различаются по выбору образов и критике: духовная критика фокусируется на процессе литературного принятия, тогда как субъективная критика делает упор на процесс вывода критики. Духовная критика начинается с трактата Чжун Жуна «Ши Пинь»

(«Категории стихов») и продолжается до «Стихотворений о стихах» династии Тан, поэтической критики династии Сун, а также поэтической теории Ван Говэя периода новой истории. Все они подчёркивали прямое описание субъективного понимания и эстетического восприятия объекта критики. До династии Сун изображения часто делились на образы природы и образы людей: появление образов природы, несомненно, берёт своё начало от популярной пейзажной литературы со времён династий Вэй и Цзинь, а образы персонажей были связаны с критикой людей того времени и социальным статусом и имели прямые образы хорошего или плохого с точки зрения моральных качеств, талантов или знаний. После династии Сун в духовной критике появилась буддийская тематика и буддийские монахи, а образы природы стали более неуловимыми и абстрактными. В то время появилось много образов, которые любили использовать дзэнские наставники, например, «белое облако», «полная луна», «холодный омут» и так далее. В сущности, эти образы не были свойственны, они были заимствованы из мира природы или человеческой культуры, поэтому такого рода критику также можно назвать «созидательной критикой». На субъективную критику оказала влияние западная импрессионистская школа живописи того времени, и этот импрессионистический метод был перенесен в область литературы. Посредством смутных и мимолётных чувственных впечатлений выражались тогдашние эмоциональные состояния, которые от начала до конца были тесно связаны с религией, это было проявлением и истолкованием «таинственного содержания» религии, «особой формой выражения русской религиозной философии в искусстве» (Чжан Бин 2000:67). Всю эволюцию субъективной критики можно резюмировать как переход от символистской религиозно-философской критики к социально-религиозной критике, ядром которой являлась религиозная вера. Под влиянием иллюзорных и таинственных мыслей Соловьева, когда субъективная критика была в поиске объединения и расширения мира реального и мира духовного, расстояние между двумя мирами стало неопределённым, а в сочетании с резкими социальными изменениями на рубеже веков писатели и критики один за другим обратились ко внутренней части искусства и религии, чтобы отойти от быта и устремиться к «бескорыстному» искусству. Позже социальная и религиозная критика сосредоточилась на здравой и жёсткой критике, интерпретируя дух

человека, который писатель хотел выразить, исходя из личного опыта и чувств, и делая акцент на тёплой лирической критике. Субъективная критика пыталась прояснить первоначальный облик культуры и бытия, эта попытка дала субъективной критике новую цель и высоту: вместо того, чтобы давать простой анализ аллегорий и социальных функций конкретных образов, она обобщала законы и тайны культурного развития и человеческого бытия через произведения.

«Образ» – это начало всего литературного творчества, в котором две школы критики представляют разные акценты и предложения о функции «образа» в литературной критике. Духовные критики понимают, что образ критики обычно происходит от объекта критики, а воображение и создание критики должны основываться на художественных характеристиках и общем стиле объекта критики. Субъективная критика полагает, что критика – это полностью субъективная деятельность, и поэтому критика стала произвольным проявлением субъективного воображения и личных эмоций критика. В сочетании с проповедуемым критиками религиозным мистицизмом метод символической критики отрывается от аллегорической символической критики объекта, и объект критики становится символом духовной реальности. Лю Се начинает с «образов» и посредством сокращения форм и выражения чувств, осуществляемых людьми искусства по отношению к «образам», изучает появление «бессознательных вещей» в смысле «сознательных объектов» и структурирует правила «визуализации образов», и таким образом воспроизводит эстетическое восприятие «образов» писателями и художниками. В сфере изображения образов он считал, что необходимо внимательно наблюдать за предметами, а затем описывать их в сочетании с их характеристиками. «Ши Цзин» («Книга песен») и «Чуские строфы» наиболее важны для улавливания ключевых моментов пейзажа – «в сборниках «Ши цзин» и «Чуские строфы» есть множество известных изречений, которые прекрасно уловили тонкости описания природы, поэтому последующие выдающиеся произведения не осмеливались с ними соперничать» (Лю Се 2015:68). Что касается аллегории эмоций, Лю Се считает, что только тесно сочетая характеристики предмета и черпая вдохновение у природы, произведение может лучше передать эмоции и выразить чувства. В этом секрет успеха поэмы «Лисао» Цюй Юаня – «Цюй Юань смог постигнуть поэтическое настроение только потому, что заручился поддержкой природы» (Лю Се

2015:68). Говоря о литературных и эстетических функциях образов, Лю Се считает, что в образах следует «убирать лишнее и сочетать высокое и низкое» (Лю Се 2015:120), то есть во время использования образов критики должны соединять высокое и низкое, комбинировать верхи и низы. Критика, основанная на образе объекта критики, существенно отличается от «обобщения» и «сериализации» символов в субъективной критике. Эта сериализация проявляется в неоднократном восхвалении Мережковским некоторых великих тем, «он объединял различные образные темы в единый символический «метатекст», подчёркивая вечное значение идей» (624).

На субъективную критику оказали влияние религиозно-философские мысли Соловьёва, ратовавшие за «единство всех вещей» и «вечный дух». В литературной критике это нашло отображение в поиске вечной женственности в произведениях таких поэтов, как Тургенев и Лермонтов, а интерпретация произведений имела очевидный субъективный и политический оттенок. Когда Мережковский изучал индивидуальные особенности личности и манеру письма Лермонтова, он считал, что «Пушкин – солнце русской поэзии, а Лермонтов – луна русской поэзии. Русская поэзия колеблется между ними, как между двумя крайностями – размышлениями и действиями» (Мережковский 1991:78). Мережковский был одним из первых русских символистских манифестантов, впитавших в себя «философское самоопределение» символизма» (Пчелина 2018: 285-297), поэтому функция символов в субъективной критике воплощается в философском способе познания мира и переосмыслении русской культуры.

Для понимания использования образов и отображения символов мы можем использовать критическую когнитивную структуру «слов, образов и значений» для выражения смысла. Оба вида критики пытаются использовать и отображать «образы» как выражение «слов», чтобы продемонстрировать «образ» и исчерпать «смысл». Использование метода образной критики делает древнюю критику более привлекательной в дополнение к ярким образам. Символическая критика, как идеологическая миграция литературного направления в области литературной критики, открыла широкий кругозор для академической критики, тесно связав литературно-критическую деятельность со временем, обществом и страной. Это истинное отображение поиска социальной отдушины и будущего страны писателями и художниками того времени.

Эстетические цели методов оценочной критики и толкования классики

Философская основа и тип мышления определяют формирование литературного воззрения и литературной критики, а концепция принятия литературы и концепция принятия литературной критики определяют критическую направленность и эстетическую направленность литературной критики. В академических кругах критика, которая считает познание фактов своей основной целью и специализируется на толковании, называется аналитической критикой; критика, которая ставит своей основной целью «оценку и ориентацию» и специализируется на оценке, называется ценностной критикой. Тенденция «оценочной» критики в духовной критике и «толкование классики» в субъективной критике могут рассматриваться как важные символы ценностной критики.

Истоки «оценочной критики» и «толкования классики» – едины, они оба исходят из изучения внешней стороны текста. Разница в том, что «оценочная критика» берёт своё начало от человековедения, а «толкование классики» – от теологии. Так называемая «оценочная критика» означает, что «своей точкой зрения» читатель предполагает «стремления» произведения, духовная критика подчёркивает вмешательство субъективной воли критика при интерпретации произведения, личное понимание во время чтения и вкладывание личных устремлений. Это неизбежно приводит к добавлению и убавлению смысла произведения, а то и к искажению первоначального смысла, формируя, таким образом, один из трёх древних методов критики – метод «оценочной критики». «Оценочная критика» считается ещё одним важным положением китайской поэтики после «ши янь чжи» («поэзия служит для выражения своих мыслей и стремлений»). «Толкование классики» можно объяснить как «трактование Библии», названное в честь изначальной герменевтики, ограничивавшейся толкованием содержания Библии. Разница в том, что «толкование классики» здесь – это не «Ветхий Завет» и «Новый Завет» Библии, это воплощение содержания «третьего завета» и новой религиозной мысли, отстаиваемой субъективной критикой в категории литературы и искусства. Новое религиозное сознание – это идеологическое положение Мережковского, которое впоследствии восхвалялось и практиковалось другими критиками. Новое религиозное сознание отрицало аскетическое мышление в православной церкви, полагало, что человек только

посредством физического этапа может достигнуть Бога и делало упор на соединение тела и души. Божественная женственность считалась конкретным проявлением соединения души и плоти и проводником мужского духа.

Механизмы «оценочной критики» и «толкования классики» были вызваны политической безуспешностью. «Оценочная критика» была предложена Мэн-цзы и его учеником Сяньцю Мэн во время обсуждения «Стихотворений», что было направлено на неправильную практику буквального толкования учениками смысла стихов. «Слова и предложения не должны быть неверно истолкованы из-за отдельных слов, а истинный смысл не должен быть неверно истолкован поверхностным значением слов и предложений. Волю автора нужно правильно исследовать по замыслу всего его произведения» (Чжу Си 2000:78). То есть литературная критика не может препятствовать пониманию смысла предложения из-за слов, не может ограничиваться поверхностным значением предложения и влиять на понимание эмоциональных мыслей автора. Необходимо использовать точное понимание поэзии критиком, чтобы сделать вывод о мыслях поэта. Авторитарное правление со времён доциньской эпохи делало акцент на том, что «литература – носитель высоких идей», что делало литературу чрезвычайно политизированной. В результате критика постепенно перешла от критики, основанной на оценке, к преследованию «смысла за пределами текста», что породило появление «оценочной критики». «Толкование классики» возникло из интерпретации Мережковским религиозного текста «Нового Завета», что также определило эстетическую направленность субъективной критики. «На самом деле, Мережковский канонизировал опыт русской литературы XIX века. Для него, если художественный текст не являлся Новым священным писанием или третьим заветом Библии, тогда он был предисловием к Библии» (Мережковский 1995:5). Россия в Серебряном веке была полна эсхатологических рассуждений. В то время Россия была опустошена войнами и бедствиями и многие учёные с высокими идеалами искали выход для России. Флоренский, Булгаков, Мережковский и другие пытались найти ответы в религии. Они выступали за свержение старой религии и создание новой религии, порождая новое религиозно-культурное движение и пытаясь интерпретировать свои политические и религиозные притязания на основе литературных текстов. «Субъективная критика показыва-

ет читателям множество когнитивных моделей мира, извлекая ценные качества из превосходных представителей человечества, создавая свою собственную модель мира» (Журавлева 2005:99-108).

Конечные эстетические цели «оценочной критики» и «толкования классики» одни и те же. Они обе представляют собой эстетические ориентации, сосредоточенные на интерпретации, и уделяют слишком много внимания пониманию читателя, а не автору и текстовому выражению. Содержание «точки зрения» в «оценочной критике» сформировало спор между «точкой зрения читателя» и «точкой зрения текста» в последующих поколениях. К концу династии Цин духовная критика стала продуктом насильственного проникновения в сознание читателя, а литературный текст стал главным полем битвы критиков поэзии. Можно сказать, что как важная теория толкования «оценочная критика» оказала важное влияние на историю китайской литературы. Будучи важным методом субъективной критики для интерпретации русской классики и поиска будущих литературных идеалов, «толкование классики» находит яркое отражение в трудах критиков. Мережковского часто упрекают в том, что во время анализа романов и поэзии он погружался в мирскую фазу литературной критики, превращая критику в теологическое толкование «Третьего завета». Для того, чтобы противостоять христианскому учению о подавлении человеческой природы и замене семьи монашеской жизнью, Розанов смело рассматривал литературу как главное поле битвы со старыми христианскими учениями и проповедью новой религиозной культуры. Критикуя творчество Достоевского, он писал: «Целомудренна ли проституция? Нет на свете двух ответов: но Достоевский изображает Соню Мармеладову и этим образцом христианки подрывает заповедь из Ветхого Завета «Не прелюбодействуй!» Подрыв настолько основательный, что этого не добилось даже Евангелие. А выражение «набожная распутница» стало вполне приемлемым в нашем языке» (Розанов 2013:113). Метод «толкования классики» вышел за рамки литературы и искусства, стал, по выражению Бердяева, «философской критикой, характеризующей русские явления, и даже можно сказать, стал категорией религиозно-философской критики» (Бердяев 1993: 108-152). Можно даже сказать, что субъективная критика вышла из рядов литературной критики и стала преемницей герменевтики, ибо «литературная критика вращается вокруг «оцен-

ки», а герменевтическое толкование стремится сделать «открытие» (Бонецкая 2012:97-113).

Метод «оценочной критики» обращает внимание на «сердце» и «стремление» автора и раскрывает сущность человеческой природы через индивидуальное личностное развитие автора. Начиная с индивидуальных эмоций и заканчивая единением эмоций автора с эмоциями, общими для всех людей, этот вид гуманистических чувств до сих пор придаёт духовной критике практический смысл. «Толкование классики» от начала до конца вращается вокруг таинственного содержания религии. Раскрытие религиозных мыслей и концепций русских классиков Гоголя и Достоевского имеет большое значение для понимания читателем их произведений. Кроме того, субъективная критика отстаивает субъективное ощущение и эстетический опыт искусства, что даёт неисчерпаемую силу для русского литературоведения. «Максимальная культурная толерантность», которой придерживаются критики, свидетельствует о широком и толерантном национальном сознании славянской нации.

Выводы

Российская «субъективная критика» чётко выдвигалась представителями школы в своих произведениях, но название «духовная критика» упоминается только в работах более поздних учёных. Большинство китайских учёных используют династии как ключ к разгадке времени для изучения эволюции школ. Для сравнения, российская «субъективная критика» имеет чёткую литературно-критическую программу (главным образом «О причинах упадка современной русской литературы и зарождающихся школ» Мережковского). В литературной критике также ярко проявляется новое религиозное сознание и направление пропаганды новой русской культуры. Можно даже сказать, что «деятели искусства

под знаменем «мира» демонстрируют свою индивидуальность, а критики под знаменем «деятелей искусства» продают свой товар» (Мережковский 1995:5). Очевидно, что хотя духовная критика и придаёт большое значение единению субъективных ощущений и объекта критики, однако формулировка всё же остаётся смутной и произвольной, поэтому соответствующие литературные положения не могут быть чётко выдвинуты. Хотя субъективная критика подчёркивает чувствительность и субъективность в процессе критики, она полна логики и рациональности в процессе выражения. Однако из-за чрезмерного акцента на значительности «субъективности» субъективная критика отделилась от категории литературной критики и стала духовным храмом для «толкования классики» с целью «открытия», а не «оценки».

Духовная критика – это второе произведение критика, это соединение субъективного сознания и жизненных устремлений. Это своего рода эстетическая цель и побуждение «оценочной критики». Добавление аналитического мышления к интуитивному пониманию делает древнекитайскую духовную критику рационализированной субъективной критикой. Субъективная критика «принимает за эстетический объект сознание, охватывающее проекцию мира, а за эстетическую ориентацию – вертикальную заботу о жизни и мире» (Чжоу Цича 1993:46). Исследование вечного духа и вечной души делает субъективную критику духовной критикой в сочетании с религией. Субъективные чувства – это личные чувства, которые исходят из души человека, духовное понимание также основано на субъективных суждениях, извлечённых из души и глубин сердца. Китайская духовная критика и субъективная критика продемонстрировали характеристики интертекстуальности на протяжении сотен лет, что даёт нам мощную поддержку для изучения взаимной интеграции китайской и русской культур.

Литература

- Бай Инь «Духовная критика: особенности мышления древнекитайской литературной критики», Пекин, издательство общественных наук Китая, 2002 год, стр. 12.
- Бердяев Н А, Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века, СПб: Direct MEDIA, 1946, с. 56.
- Бердяев Н А. О русских классиках. Миросозерцание Достоевского. М.: Высш. шк., 1993: 108-152.2.
- Бонецкая Н К. Д.С. Мережковский: герменевтика и экзегетика // Вопросы философии, 2012 (11): 97-113.
- Ван Чанхуа. Поэтическая теория и теория Цзы. Пекин: Хуеуан Press, 2001. Стр 45.
- Под редакцией Ван Сяньпэй, Ху Яминь «Введение в литературную критику», Пекин: издательство «Гаодэн Цзяюй», 2005 год, стр. 89-92.

- З. Н. Гиппиус, «Живые Лица». –СЗ. 1925. Кн. XXV. С. 535–541.
- Журавлева А А, «Вечные спутники» Мережковского как образец субъективной критики, Челябинск: Вестник Челябинского государственного университета, 2005, 11(1): 99-108.
- Лю Се, «Вэнь синь дяо лун» («Резной дракон литературной мысли»), Шанхай: Шанхайское издательство «Древняя книга», 2015 г., стр. 68.
- Главный редактор Ли Цзяньчжун, заместитель главного редактора Гао Вэньцян, История китайской литературной критики [М], Ухань: Издательство Уханьского университета, 2015 г. стр 1-5.
- Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., Изд. Республика, 1995. С. 528.
- Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет, 1991. С.78.
- Мережковский Д.С. «Вечный попутчик», перевод Фу Шицю, Шанхай: Издательство «Сюэлинь», 1999 год, стр.3.
- Мережковский Д. С., Лев Толстой и Достоевский. – М.: Республика, 1995. – С. 264.
- Ян Сюй: «Исследования по критике религиозной литературы в России Серебряного века», докторская диссертация Шаньдунского педагогического университета, 2017, стр. 51.
- Су Ши: Полное собрание сочинений Дунпо, Пекин: Сянчжуан Шуцзюй, 2014 г., стр. 2124.
- У Сяоя: «Исследование символистской поэтики Мережковского». Пекин: издательство Пекинского университета, 2015 г., стр. 69.
- Чжан Бин, «Исследование русского формализма в поэтике остранения», Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 2000, стр. 67.
- Пчелина О В, «Бог прошел по миру и оставил следы свои в мире-символы»: символистская концепция Д.С. Мережковского, М.: Литфакт. 2018: 285-297.
- Розанов.В.В. Откровение Достоевского – избранные произведения Розанова, перевод Тянь Цюаньцзиня, Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета, 2013, стр. 113.
- Цай Чжэньчу, История китайской литературной критики, Пекин: Книжная компания Чжунхуа, 2005 г. стр 1-4.
- Цзун Бучжэн. Цзинь Шэнтан прокомментировал первую главу «Запаса воды». People of the Times (New Educator), 2018, (8).
- Чжу Си: «Сборник с комментариями Четверокнижия», Пекин: Пекинское издательство «Древняя книга», 2000 г., стр. 78.
- Чжу Дунжун. Очерк истории китайской литературной критики, Ухань: Издательство Уханьского университета, 2009. стр 1-4.
- Чжоу Цичао. Исследование литературы русского символизма. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 1993, стр. 46.

References

- Bai Yin (2002)»Spiritual Criticism: Thinking Features of Ancient Chinese Literary Criticism», Beijing, China Social Science Publishing House, p. 12.
- Berdyayev N.A.(1946) The Russian idea: The main problems of Russian thought in the 19th century and the beginning of the 20th century, St. Petersburg: Direct MEDIA, p.56
- Berdyayev N.A.(1993) About Russian classics. Worldview of Dostoevsky, .M .: Higher. school, 108-152.
- Bonetskaya N.K., D.S. Merezhkovsky (2012) hermeneutics and exegesis, Questions of Philosophy, (11): 97-113.
- Wang Changhua. (2001) Poetic theory and Zi theory. Beijing: Xueyuan Press, Page 45.
- Edited by Wang Xianpei, Hu Yamin (2005)"Introduction to Literary Criticism", Beijing: Gaodeng Jiaoyu Publishing House, pp. 89-92.
- ZN Gippius(1925) "Living Faces". –SZ. Book. XXV. pp. 535-541.
- Zhuravleva A A, (2005) Merezhkovsky's "Eternal Companions" as an example of subjective criticism, Chelyabinsk: Bulletin of the Chelyabinsk State University, 11(1): 99-108.
- Liu Xie (2015) «Wen Xin Diao Long» («The Carved Dragon of Literary Thought»), Shanghai: Ancient Book Shanghai Publishing House, p. 68.
- Editor-in-Chief Li Jianzhong (2015) Deputy Editor-in-Chief Gao Wenqiang, History of Chinese Literary Criticism [M], Wuhan: Wuhan University Press, pp. 1-5.
- Merezhkovsky D.S.(1995). On the causes of decline and new trends in modern Russian literature// Merezhkovsky D.S. L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal companions. M., Ed. Republic, S. 528.
- Merezhkovsky D.S.(1991) In the stillness. Articles and researches of different years, P.78.
- Merezhkovsky D.S. (1999) "The Eternal Companion", translated by Fu Shiqiu, Shanghai: Xuelin Publishing House, p.3.
- Merezhkovsky D.S., Leo Tolstoy and Dostoevsky (1995) M.: Respublika. – p.264.
- Yang Xu (2017) «Studies on Criticism of Religious Literature in Russia of the Silver Age», doctoral dissertation, Shandong Normal University,p. 51.
- Su Shi (2014) The Complete Works of Dongpo, Beijing: Xiangzhuang Shuju, 2014, p. 2124.
- Wu Xiaoxia (2015)"A Study of Merezhkovsky's Symbolist Poetics". Beijing: Peking University Press, p. 69.
- Zhang Bing (2000)»A Study of Russian Formalism in the Poetics of Detachment,» Beijing: Beijing Normal University Press, p. 67.

Pchelina O.V. (2018) «God passed through the world and left his traces in the world-symbols»: the symbolist concept of D.S. Merezhkovsky, M.: Litfakt. 285-297.

Rozanov.V.V. (2013) The Revelation of Dostoevsky – Selected Works of Rozanov, translated by Tian Quanjin, Shanghai: East China Normal University Press, p. 113.

Cai Zhenchu (2005) A History of Chinese Literary Criticism, Beijing: Zhonghua Book Company, pp 1-4.

Zong Buzheng (2018) Jin Shengtang commented on the first chapter of "Water Reserve". People of the Times (New Educator), (8).

Zhu Xi (2000) «Commentary of the Tetrabooks», Beijing: Beijing Ancient Book Publishing House, p. 78.

Zhu Dongzhong (2009) Outline of the History of Chinese Literary Criticism, Wuhan: Wuhan University Press, pp 1-4.

Zhou Qichao (1993) A Study of the Literature of Russian Symbolism, Beijing: Social Science Literature Publishing House, 1993, p. 46.